

W. — «Русское обозрение» 1895, май.
с. 446 — 452.

Мас. № 1045₁

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

XII.

А. И. Чеховъ. Три года. (Рассказъ). Русская Мысль. 1895. I—II.

Чеховъ принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу нашихъ лучшихъ рассказчиковъ. Все, что онъ до сихъ поръ писалъ, было далеко не одинаковаго художественнаго достоинства, но все было рассказано съ необыкновенною ясностью, простотой и законченностью.

Теперь ему почему-то пришла фантазія сдѣлать насиліе надъ своимъ дарованіемъ и написать такой рассказъ, который бы не отличался этими тремя качествами. Мы говоримъ „пришла фантазія“, потому что новое произведеніе г. Чехова отличается не случайною, а намеренною небрежностью, несоразмѣрностью и незаконченностью.

Что же могло побудить г. Чехова представить намъ свой рассказъ не въ лучшемъ, а въ худшемъ видѣ, тогда какъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ему первое было бы гораздо легче сдѣлать, чѣмъ второе?

Увлеченіе модною натуралистическою доктриной.

Эта доктрина учитъ, что мы уже вышли изъ того младенческаго состоянія, когда могли требовать, чтобы каждая повесть, каждый рассказъ и романъ имѣли опредѣленное начало и опредѣленный конецъ; теперь мы будто бы требуемъ, чтобы намъ подавали животрепещущій кусокъ человѣческой жизни, прямо вырванный изъ середины какого-нибудь человѣческаго общества. Читатель, видите ли, мечтаетъ будто бы только о томъ,

какъ бы уподобиться туристу, который прѣхалъ на недѣлю въ совершенно чуждый ему провинціальнѣйшій городъ, сразу окунулся въ совершенно незнакомое ему общество и во всѣ его житейскіе интересы, познакомился съ цѣлымъ рядомъ совершенно новыхъ для него лицъ, узналъ случайно кое-какія черты ихъ жизни и характера, присутствовалъ при развязкахъ какихъ-то старинныхъ исторій и при завязкахъ новыхъ, и затѣмъ внезапно покинулъ бы навсегда и этотъ городъ и этихъ людей въ тотъ моментъ, когда нѣкоторые изъ нихъ какъ будто начали интересоваться его и когда онъ сталъ какъ будто кое-что понимать въ окружающей его, чуждой ему жизни.

Мы сомнѣваемся, чтобы туристы находили особое удовольствіе въ такомъ безтолковомъ и поверхностномъ ознакомленіи съ жизнью мѣстнаго общества; что же касается читателей, то они ничего другаго кромѣ весьма понятной досады не испытываютъ, если ихъ внезапно вводятъ въ совершенно чуждый имъ міръ и столь же внезапно изъ него выводятъ, не давъ имъ возможности разобраться въ той массѣ разнообразныхъ впечатлѣній, которая, быстро нахлынувъ на нихъ, столь же быстро, безъ видимой причины ихъ покидаетъ.

Старое, вѣчное правило, гласящее, что каждое произведеніе искусства должно имѣть начало и конецъ, оказывается вовсе не лишенымъ здраваго смысла, какъ полагаютъ господа натуралисты, и выражаніе живьемъ изъ общества кусковъ человѣческой жизни отзывается гораздо болѣе искусственностью и манерностью, чѣмъ обыкновенное повѣствованіе, берущее свою тему съ начала и доводящее ее до самаго конца.

Противъ этого натурализма обыкновенно возражаютъ ссылкой на извѣстное паречіе Гете: „*Greift nur hinein ins volle Menschenleben, und wo ihr's packt, da ist's interessant*“. Но этими словами Гете хотѣлъ только сказать, что поэтъ можетъ, въ силу своего таланта, опустивъ на удачу руку въ полную человѣческую жизнь, найти интересную тему для своего художественнаго произведенія, но онъ вовсе и не думалъ проповѣдывать, что само это произведеніе должно быть безъ начала и конца, являясь простымъ фотографическимъ снимкомъ съ того случайнаго эпизода, на который натолкнулся поэтъ въ дѣйствительной жизни.

Другое возраженіе натуралистовъ заключается въ томъ, что въ дѣйствительной жизни ничто не имѣетъ опредѣленнаго начала или конца, такъ какъ событія чередуются непрерывною цѣпью,

и конецъ одного событія является началомъ другого. Возраженіе это неудачно. Во первыхъ, рожденіе и смерть являются въ жизни отдѣльнаго человека весьма опредѣленнымъ началомъ и концомъ, а сообразно съ этимъ и романъ, въ которомъ данный человекъ является героемъ, можетъ имѣть весьма естественное начало и весьма естественный конецъ,—разнѣй только авторъ захочетъ прослѣдить за судьбой своего героя и во время его загробной жизни. Но на это ни одинъ авторъ-натуралистъ не отважится. А затѣмъ жизнь каждого человека состоитъ въ сущности изъ цѣлаго ряда отдѣльных болѣе или менѣе законченныхъ эпизодовъ, имѣющихъ свое начало, свое развитіе и свой конецъ и могущихъ поэтому служить темами для отдѣльных повѣстей или разсказовъ. Само собою разумѣется, что каждая повѣсть, имѣя не одно, а нѣсколько дѣйствующихъ лицъ, не можетъ изобразить намъ полную жизнь или законченныя изъ нея эпизоды каждого изъ нихъ; и тутъ точно также вступаетъ въ силу старое, всегда вѣрное правило, по которому дѣйствующія лица въ художественномъ произведеніи дѣлятся на главныхъ и второстепенныхъ, изъ коихъ первыя привлекаютъ къ себѣ наше полное вниманіе, а вторыя—не возбуждаютъ въ насъ сильнаго интереса, такъ что мы о дальнѣйшей ихъ судьбѣ и не заботимся.

Все это—правила элементарныя, но исполнѣ разумныя и внимательныя, выработанныя тысячелѣтнимъ опытомъ, и нарушать ихъ безнаказанно никому не удастся, какъ бы даровитъ онъ ни былъ. Не могъ ихъ безнаказанно нарушить и г. Чеховъ.

Въ самомъ дѣлѣ, читая его *Три юда*, мы неосознанно чувствуемъ, что вся эта повѣсть неизмѣнно выиграла бы, еслибы авторъ не увлекся модными повѣстками и разсказами, бы намъ ее, не мудрующа лукаво, такъ именно, какъ онъ привыкъ разсказывать и какъ мы привыкли слушать.

Но теорія натурализма, въ разсказѣ, въ этомъ „животреніи“ кускѣ человеческой жизни“, не должно быть „героевъ“ и „героинь“, то-есть главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ отличіе отъ второстепенныхъ: всѣ должны появляться безо всякой перспективы, то на первомъ, то на второмъ планѣ, сообразно не съ ходомъ и потребностями разсказа, а сообразно съ прихотливости случая, однимъ словомъ „точь-въ-точь“ какъ въ дѣйствительной жизни“. Натуралисты забываютъ, что дѣйствительная жизнь для насъ, простыхъ смертныхъ, представляется безсмысленною и что мы затѣмъ только и обращаемся къ художникамъ

и поэтамъ, чтобъ они открыли намъ смыслъ этой жизни, насколько онъ доступенъ ихъ духовному взору. Если же они и сами лишены дара видѣть или хотъ чутъ этотъ смыслъ, если они въ своихъ произведеніяхъ даже стараются изобразить съ наибольшю точностію лишь ту самую безмыслицу, которую мы и безъ того видимъ въ окружающей насъ дѣйствительной жизни, то къ чему намъ всѣ ихъ произведенія?

Хорошо еще, что у г. Чехова есть природный талантъ, спасшій его отъ полного поглощенія модною теоріей; интересно видѣть, какъ этотъ природный талантъ борется съ прелюбимою доктриной, и интересъ нашъ переходитъ въ искреннее сожалѣніе, когда мы видимъ, какъ онъ въ этой борьбѣ постепенно изнемогаетъ, падаетъ и наконецъ совершенно покоряется побѣдоносной, безмысленной доктринѣ. Это какъ бы въ миниатюрномъ видѣ трагическая судьба Ричарда Вагнера, принесшаго свое гениальное дарованіе въ жертву антихристіанской теоріи.

Независимость таланта г. Чехова сперва проявляетъ себя съ достаточною энергіей въ его новой повѣсти: въ ней есть начало, и есть герой съ героиней и какъ бы даже намѣченъ опредѣленный планъ для дальнѣйшаго логическаго развитія какъ характера главныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и самого разсказа. Но затѣмъ все это намѣренно спутывается, контуры размазываются, всякая опредѣленная нравственная идея вытрачивается, логика событій замѣняется какимъ-то безмысленнымъ ихъ водоворотомъ, на первый планъ выступаютъ лица, которыя тотчасъ же исчезаютъ, какъ только мы ими начинаемъ интересоваться, и весь разсказъ внезапно обрывается какъ разъ тамъ, гдѣ онъ вступаетъ въ новый, наиболѣе интересный фазисъ.

Вся суть разсказа заключается въ томъ, что сынъ богатаго московскаго купца Лантевъ женится по любви на дочери бѣднаго провинціальнаго врача, которая выходитъ за него, совершенно его не любя, а лишь затѣмъ, чтобъ изъ опротивѣвшаго ей отцовскаго дома перейти въ свободную, богатую столичную жизнь. Лантевъ, убѣдившись въ томъ, что жена его не любитъ и не полюбитъ, мало-по-малу перестаетъ ее любить, но тутъ вдругъ у нея, по прошествіи трехъ лѣтъ семейной жизни (отсюда названіе повѣсти *Три года*) появляется любовь къ мужу. Какъ разъ въ это время другъ Лантева Ярцевъ, начинаетъ засматриваться на Юлію Сергѣевну (такъ зовутъ жену Лантева).

Тогда... Но пусть самъ г. Чеховъ разскажетъ намъ, что тогда случилось. Вотъ послѣднія строки его разсказа:

...И Лаптевъ замѣтилъ, съ какими восторгомъ смотрѣлъ ей на встрѣчу Ярцевъ, какъ это ея новое, прекрасное выраженіе (любви къ мужу) отражалось на его лицѣ, тоже грустно и восхищенно. Казалось, что онъ видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни. И когда завтракали на террасѣ, Ярцевъ какъ-то радостно и застенчиво улыбался и все смотрѣлъ на Юлію, на ея красивую шею. Лаптевъ слѣдилъ за нимъ невольно и спрашивалъ себя: что, если Ярцевъ полюбитъ его жену? И думалъ:

„Поживемъ — увидимъ.“

Антонъ Чеховъ.

И больше ничего.

Что „увидитъ“ Лаптевъ, когда онъ „поживетъ“, этого ни онъ, ни читатель, ни г. Чеховъ не знаетъ. Воскреснетъ ли у него любовь къ женѣ? Случится ли это подъ вліяніемъ любви жены къ нему или подъ вліяніемъ его ревности къ Ярцеву? Воздержится ли Ярцевъ отъ ухода за женой своего друга или его другъ самъ толкнетъ свою жену въ объятія своего друга? Все это остается неизвѣстнымъ не только потому, что намъ г. Чеховъ этого не говоритъ, но главнымъ образомъ потому, что онъ въ теченіе своего разсказа не даетъ яснаго, опредѣленнаго представленія о характерѣ Лаптева, Юліи и Ярцева, такъ что мы даже и предугадать не можемъ, какъ они въ данномъ случаѣ поступятъ. Французы называютъ это „*se moquer du lecteur*“, издѣваться надъ читателемъ, говорить ему шарадами, намеренно заинтриговать его, а потомъ въ концѣ концовъ захлопнуть передъ нимъ книгу и показать языкъ. Это, если хотите, потѣшная выходка шалуна-школьника, но мы не думаемъ, чтобы подобная выходка была къ лицу писателю, къ которому читатели уже привыкли относиться съ уваженіемъ.

Но какъ же могло случиться, что мы, прочтя повѣсть г. Чехова, не получили яснаго представленія о характерѣ главныхъ дѣствующихъ лицъ? Въѣлъ онъ намъ показываетъ ихъ въ самыхъ разнообразныхъ обстановкахъ провинціальной и столичной жизни, быстро сменяющихся другъ друга, какъ мѣняется взаимное расположеніе стеколъ въ какомъ-нибудь калейдоскопѣ; но вся эта быстрая смена сценъ и дѣствующихъ въ нихъ второстепенныхъ лицъ, то появляющихся, то исчезающихъ, говорящихъ и дѣствующихъ въ сферѣ ихъ собственныхъ интересовъ, совершенно чуждыхъ интересовъ главныхъ дѣствующихъ лицъ, вся эта суматоха производить на насъ впечатлѣніе какого-то безтолковаго,

безмысленнаго кошмара („точь въ точь какъ въ дѣйствительной жизни“), въ которомъ мы видимъ массу людей, но не можемъ никого изъ нихъ ясно разглядѣть.

Впрочемъ, нѣтъ; мы не совсѣмъ справедливы: нѣкоторые изъ второстепенныхъ лицъ очерчены г. Чеховымъ съ обычнымъ ему мастерствомъ; въ нихъ талантъ его бралъ верхъ надъ натуралистическою доктриной. Сюда принадлежитъ прежде всего отецъ Лантева, московскій купецъ стараго закала, характеръ котораго поражаетъ насъ въ изображеніи г. Чехова своею опредѣленностью, полнотою и удивительною жизненностью: мы такъ и видимъ его въ амбарѣ, гдѣ онъ ведетъ оптовую торговлю галантерейнымъ товаромъ среди своихъ прикащиковъ, которые также мастерски очерчены нѣсколькими штрихами; мы видимъ старика Лантева и въ его собственномъ домѣ на Нятницкой, гдѣ онъ строго соблюдаетъ преданія завитой старины; очень типиченъ также Панауровъ, женившійся на сестрѣ молодаго Лантева, воображающій въ своемъ безграничномъ эгоизмѣ, что весь „свѣтъ“ только для него и существуетъ; мы точно также ясно представляемъ себѣ и е. жу Разсудину, „особу“, съ которою молодой Лантевъ очень близко сошелся по своей женитьбѣ и съ которою онъ видается и послѣ своей женитьбы: это дѣвица-музыкантка, рѣзкая, лишенная всякихъ „предразсудковъ“, да ксати и всякой женственности, относящаяся съ озлобленіемъ къ Лантеву за то, что онъ женился на Юліи Николаевнѣ; вообще это — „особа“ прегротивная, а такъ какъ намъ извѣстно, что въ нее былъ влюбленъ Лантевъ, то намъ вслѣдствіе этого уже и безъ того туманный характеръ его дѣлается еще болѣе непонятнымъ.

Такимъ образомъ рѣзко очерченный характеры второстепенныхъ лицъ еще болѣе затемняютъ неясные контуры главныхъ дѣйствующихъ лицъ и этимъ содѣйствуютъ тому хаотическому впечатлѣнію, которое вся повѣсть производитъ на читателя.

Намъ не хотѣлось бы раздѣлять общераспространенное мнѣніе, будто г. Чеховъ умѣетъ хорошо писать лишь маленькія вещицы, тогда какъ на болѣе крупныя произведенія „его не хватаетъ“. Конечно, если онъ будетъ писать крупныя произведенія въ натуралистическомъ вкусѣ и давать намъ „животрепещущіе куски человеческой жизни“, то его на это дѣйствительно „не хватитъ“, какъ его „не хватитъ“ на всякую другую антихудожественную работу. При своемъ творчествѣ ему слѣдуетъ давать свободный просторъ

своему таланту, не подчиняя его никакимъ моднымъ доктринамъ, и тогда онъ, несомнѣнно, безо всякаго труда совладаетъ и съ мелкими и съ крупными темами.

XIII.

И. Н. Потапенко. *Клавдія Михайловна* (Очеркъ). *Русская Мысль*. 1895. III.

Докторъ медицины Стратановъ—человѣкъ очень серьезный, а докторъ медицины Клавдія Михайловна Оболенская—особа очень веселая. Какъ тому, такъ и другому доктору уже по тридцати пяти лѣтъ, но оба доктора влюблены другъ въ друга; однако Стратановъ не рѣшается просить руки Клавдіи Михайловны, находя ее слишкомъ вѣтренною, а она передѣлать свой черезъ чуръ веселый характеръ не можетъ.

Но вотъ однажды Стратановъ видитъ, какъ Клавдія Михайловна отказывается отъ рѣшенной уже ею веселой поѣздки въ загородный ресторанъ, потому что въ ея больницу привезли женщину въ тяжелои опасномъ положеніи: онъ затѣмъ видитъ, съ какимъ самоотверженіемъ Клавдія Михайловна „работаетъ“ надъ этою женщиной, и какъ она довольна успѣхомъ этой „работы“. Тогда онъ тотчасъ же, въ ту же ночь дѣлаетъ ей предложеніе стать его женой.

Но Клавдія Михайловна готова раздѣлять съ нимъ любовь, но раздѣлять съ нимъ жизнь, ограничивать свою и его свободу, она не согласна. По ея мнѣнію, „любовь тогда только счастье, когда есть двое, двѣ жизни, черпающія одна въ другой наслаждение“; а если они „сольютъ свои двѣ жизни въ одну жизнь, то нѣтъ и не можетъ быть счастья“.

Но у Стратанова есть еще одно сомнѣніе: „Хорошо“ говоритъ онъ, „я на минуту соглашаюсь съ вами. Представимъ, что все это такъ идетъ. У насъ являются дѣти“. И вотъ онъ бонется, что „у нихъ, значитъ, не будетъ социальнаго положенія“.

Но Клавдія Михайловна и на это имѣетъ готовый отвѣтъ, окончательно обезоруживающій серьезнаго доктора медицины. Выписываетъ текстуально послѣднія строки этого безподобнаго „очерка“. И такъ Клавдія Михайловна отвѣчаетъ на возраженіе Стратанова, что у нихъ дѣтей не будетъ социальнаго положенія, слѣдующими словами: ()

W. (В. А. Грингмут)